

Е. И. Медеубаев

Попытки начала процесса политической реабилитации и восстановления прав репрессированных граждан в Казахстане в эпоху хрущевской «оттепели»¹

Смерть Сталина оказалась переломным моментом в советской истории. Начали набирать силы новые политические и социально-экономические процессы. Одной из важнейших тенденций стала очевидная необходимость начала либерализации внутривнутриполитической жизни. И хотя процесс политических реабилитаций связывают непосредственно с именем Хрущева и его докладом на XX съезде КПСС, этот механизм был запущен уже сразу после смерти вождя. Инициатором, как ни парадоксально, был Берия. 26 марта 1953 г. он предложил проект указа «Об амнистии», подготовленный совместно с Министерством юстиции и Генеральной прокуратурой СССР. К этому времени в тюрьмах, колониях и лагерях (в ГУЛАГе) содержалось более 2,5 млн заключенных². В высшем руководстве СССР не могли не понимать, что атмосфера «большого террора» привела к высокому уровню скрытого социального напряжения всего советского общества, а его дальнейшее раскручивание могло повлечь за собой непредсказуемые последствия. Конечно же, свой отпечаток на этот процесс наложила развернувшаяся борьба за власть в высшем руководстве страны. Каждый из претендентов пытался создать выгодный для себя образ сторонника восстановления поправленных прав граждан, тем более что в обществе запрос на решение этой проблемы был

*Медеубаев Ерлан
Ислямович*
кандидат
исторических
наук, профессор,
Казахско-Русский
международный
университет
(Актобе, Республика
Казахстан)

чрезвычайно высок, — только Верховный Суд СССР до марта 1953 г. ежемесячно получал свыше 30 тыс. писем-жалоб³.

После смерти Сталина в ГУЛАГе, как и по всей остальной стране, активно ходили различные слухи. Звучали они в разных интерпретациях, но касались главным образом одной темы: в Москве вооруженный переворот, члены высшего советского руководства, Хрущев и Молотов, убиты. Из этих слухов рождались два взаимоисключающих вывода: 1) всех заключенных освободят; 2) всех заключенных расстреляют⁴. На этом фоне в мае — июне 1954 г. произошло восстание политических заключенных в 3-м лагерном отделении Степного лагеря в поселке Кенгир (центральная часть Казахстана). В наше время поселок находится в черте города Жезказган. История этого восстания достаточно хорошо изучена⁵, поэтому ограничимся здесь только одним общим соображением, непосредственно касающимся темы нашего исследования. После этого восстания руководство СССР окончательно приходит к выводу о неэффективности подневольного труда заключенных. Собственно, этот вывод и становится решающим в процессе демонтажа системы ГУЛАГа в том виде, в котором она была создана в сталинское время.

Реабилитации начались уже в 1953–1954 гг. и продолжались в 1955 г., но шли очень медленно. За год домой возвратились не более 10 тыс. чел., и коснулась эта реабилитация в основном оставшихся в живых партийных работников⁶. Многие из вернувшихся испытывали страх после всего пережитого и вряд ли были в состоянии в публичном пространстве восстановить свое имя и потребовать привлечь к ответственности виновных в их мучениях. Особенно это касалось лиц, арестованных еще в разгар репрессий 1937–1938 гг. Многие из них находились под страхом повторного ареста. Мало кто из них делился с близкими и родными рассказами о перенесенных страданиях. Арестованные в предвоенные годы и отбывшие к моменту реабилитации длительные сроки заключения были сломлены психологически и физически. Многие из них боялись прошениями напоминать властям о себе. Если их вызывали на заседание реабилитационной комиссии, которая обычно заседала в здании МВД или Министерства юстиции, то, как правило, они являлись с запасом вещей, уверенные, что снова отправляются в заключение⁷.

Так, Н. С. Кузнецов, в 1937–1938 гг. занимавший должность первого секретаря Северо-Казахстанского обкома и Петропавловского горкома КП(б) Казахстана, депутат Верховного Совета СССР первого созыва от Северо-Казахстанской области, после освобождения стал простым рабочим лесопитомника. Во время служебной командировки в Алма-Ату в 1938 г. был арестован органами НКВД и приговорен к длительному тюремному заключению. После освобождения в 1947 г. до реабилитации в 1955 г. трудился рабочим, и. о. руководителя Тихорецкого лесопитомника (Краснодарский край), агрономом-лесомелиоратором Таманской МТС (г. Темрюк)⁸.

Тем не менее были люди, находившие в себе силы возвращаться к прежней общественной деятельности и активно проявлять свою позицию по важным проблемам политической и общественной жизни. Одним из таких был М. Абдиров. Он еще осенью 1956 г. обратился с письмом к Хрущеву во время его приезда в Алма-Ату. В марте 1961 г. М. Абдиров снова направляет письмо в адрес Хрущева, приехавшего в те дни с рабочим визитом в Алма-Ату. О себе автор письма сообщает, что родился в 1909 г., в 1934 г. окончил Казахский педагогический институт, затем заведовал

учебной частью рабфака Казахского госуниверситета, в 1935 г. поступил на III курс Ленинградского Комполитпросветинститута им. Н. К. Крупской, который окончил в 1937 г., после чего возглавил в Алма-Ате Публичную библиотеку им. Пушкина, одновременно являясь научным сотрудником Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма на казахский язык. В 1941 г. был арестован органами НКВД и осужден как враг народа на 10 лет за то, что в частном разговоре назвал первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. А. Скворцова «болтуном». Находился в лагерях и ссылке почти 15 лет и был амнистирован только в 1955 г. Автор письма благодарил Хрущева за «восстановление социалистической законности» и непосредственно с его именем связывал процесс амнистии⁹.

XX съезд партии стал отправным пунктом критического и мучительного переосмысления не только роли личности Сталина, но и всей мировой социалистической практики. Весной и летом 1956 г. начались важные политические и социальные процессы: массовое освобождение почти всех политических заключенных из лагерей и мест «вечной ссылки». Параллельно происходил процесс быстрого пересмотра дел и реабилитации большинства погибших в 1930–1950-е гг. узников лагерей и тюрем. Система ГУЛАГа стала давать трещины. По инициативе Хрущева было создано более 90 специальных комиссий, имевших право рассматривать дела заключенных непосредственно в лагерях или в местах поселения. К работе этих комиссий были привлечены представители прокуратуры, аппарата ЦК КПСС и уже реабилитированные члены партии. Комиссии были наделены самими широкими правами: производить реабилитацию, помилование, снижать сроки заключения. Решение не нуждалось в утверждении и вступало в силу немедленно¹⁰.

Современный исследователь Збигнев Войновски (*Zbigniew Wojnowski*) высказывает свою точку зрения на сложившуюся ситуацию в Казахской ССР в 1956 г. По его мнению, после секретного доклада Хрущева на XX съезде в публичном пространстве Казахстана за редким исключением наблюдалось молчание на эту тему. Возникавшее обсуждение в обществе сталинского прошлого носило дезорганизованный и спорадический характер. Да и эти редкие попытки, как правило, блокировались партийными организациями на местах. Кроме того, у людей просто не было доступа к различным общественным площадкам и форумам, где они могли бы обсудить текущую политику. Спокойная реакция в Казахстане на закрытый доклад Хрущева была тем более удивительной, что сталинизм, несомненно, стал глубоко травмирующим опытом для Республики. Голод 1931–1933 гг. убил от 35 до 38 % всех этнических казахов в Республике. В советском Казахстане проживали миллионы жертв сталинских депортаций, и на его территории находились крупнейшие лагеря ГУЛАГа. «В Советском Казахстане в 1956 г. было удивительно тихо»¹¹.

Все, как известно, относительно. По сравнению с ситуацией в крупных городах европейской части РСФСР, Украинской ССР и тем более в Грузинской ССР (в марте 1956 г. в Грузии прошли просталинские митинги, за этим последовали демонстрации и трагические события 9–10 марта в Тбилиси) на первый взгляд может показаться, что в Казахстане реакция на доклад Хрущева действительно была спокойной. Однако, как показывают отчеты партийных структур и органов МВД с мест в Алма-Ату и Москву, это было далеко не так.

Руководители партии боялись признать слишком большое количество допущенных внутривнутрипартийных ошибок. На волне XX съезда было подано более 70 тыс. заявлений о восстановлении в КПСС, но лишь менее половины из них было удовлетворено¹². В результате невозможно было добиться полной социальной реабилитации с возвращением работы и квартиры, со справедливым назначением пенсии. Так, бывший председатель Верховного Суда Казахской ССР Танирберген Адильбаев в 1961 г. в заявлении на имя первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева жаловался на необоснованное снятие его с должности в 1945 г. по настоянию бывшего министра госбезопасности Казахской ССР Огольцова, просил помочь с назначением пенсии, которую ему не дают, поскольку он был «освобожден от работы» и «не оправдал доверия партии и народа»¹³.

Архивные источники сохранили немногочисленные свидетельства выживших жертв сталинского террора в Казахстане. До нас дошли документальные свидетельства только тех лиц, которые в силу своей образованности, широкого политического кругозора, опыта общественной работы смогли рассказать о случившемся и попытаться донести до общественности свою точку зрения. Партийные архивы сохранили их свидетельства, так как они накануне репрессий занимали заметные посты во власти. Показания и разоблачения рядовых жертв террора, как правило, не встречаются.

Так, 3 ноября 1960 г. на имя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Шверника поступило письмо-жалоба от жителя Алма-Аты Рахмала Байжарасова 1909 г. р. (копия письма направлена первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Кунаеву)¹⁴. Автор письма сообщает, что перед арестом в 1937–1938 гг. занимал должность секретаря Карагандинского горкома партии. До этого был одним из руководящих работников комсомола Казахстана. В годы строительства Турксиба возглавлял комсомольскую организацию стройки и лично знал Турара Рыскулова. Рассказывает о своем аресте в 1938 г., пытках и пережитых унижениях. Был осужден на 25 лет, до 1947 г. пробыл в Колымских лагерях, затем был сослан на вечное поселение в Красноярский край. В общей сложности провел в заключении 17 лет. Во всем винит Берия и Скворцова. Был выпущен на свободу в 1955 г., за что безмерно благодарит Хрущева. Решающим этапом репрессий в Казахстане Р. Байжарасов называет весну и вторую половину 1938 г. Развернувшиеся репрессии он связывает непосредственно с именем Н. А. Скворцова, бывшего тогда первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Называя его в письме «некий Скворцов», автор, видимо, хотел подчеркнуть, что к моменту своего назначения на пост руководителя партийной организации Казахской ССР Скворцов совершенно не был известен общественности Республики¹⁵.

Примечательно, что, вынося политические оценки и давая характеристики, Р. Байжарасов учитывает политическую конъюнктуру, сложившуюся на тот момент. Скворцова он называет ставленником Г. М. Маленкова, низвергнутого к этому времени главы советского правительства¹⁶. Не обошел он вниманием и опального при Хрущеве бывшего партийного лидера республики Жумабая Шаяхметова¹⁷: «В истреблении руководящих работников и других честных граждан, особенно казахов, позорную роль сыграл Шаяхметов, работавший в тот период в органах НКВД, которого видимо за эти “заслуги” потом сделали руководителем

Казахстанской партийной организации... В Алма-Атинской областной партийной организации были арестованы один за другим три состава обкома партии. Первый состав обкома во главе с А. Киселевым, второй состав с Д. Садвакасовым, третий состав с Ч. Артыкбаевым»¹⁸.

Люди, решившиеся на публичную огласку разоблачений преступлений сталинизма, в отсутствие доступа к средствам массовой коммуникации пытались использовать любую возможность для выступлений на общественно-политических мероприятиях и собраниях. Как следует из приводимого ниже примера, чаще всего партийные власти на местах им этого сделать не давали. Рахмалы Байжарасов в письме в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС приводит материалы из подготовленного им текста речи 24 ноября 1961 г. на собрании первичной парторганизации Казгосиздата при обсуждении вопроса «Об итогах XXII съезда КПСС и задачах партийной организации». В начале текста речи он восхваляет исторические решения XXII съезда партии, личность Хрущева и других советских руководителей. Далее говорит о преступлениях Сталина и его окружения: «Я полностью одобряю исторические решения XXII съезда и от души приветствую его справедливое постановление о выносе гроба Сталина с его телом из мавзолея В. И. Ленина»¹⁹. Судя по содержанию архивного документа, из которого были почерпнуты эти сведения, произнести речь на партийном собрании Р. Байжарасову не дали.

Затронем один из важных моментов, касающихся процесса реабилитации и разоблачения преступлений сталинизма в Казахстане. Как видно из многочисленных свидетельств, не только высшие советские руководители, но и сам главный инициатор десталинизации боялся, что процесс разоблачения преступлений сталинского прошлого может пойти слишком быстро и зайти слишком далеко. Не случайно в своих мемуарах Хрущев признавался: «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться»²⁰. Безусловно, на такие настроения Хрущева повлияли события лета — осени 1956 г. в Польше и Венгрии. Эти события стали во многом прямым откликом на разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Возникла угроза развала Варшавского военно-политического блока и всего мирового социалистического лагеря. Но не только внешняя реакция заставила Хрущева пойти на попятные действия. Внутри страны раздавались голоса не только пытавшихся восстановить свои права жертв сталинских репрессий и их близких. На руководство партии начинают оказывать сильное воздействие и просталинские силы.

19 декабря 1956 г. на места было разослано закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». От самого названия документа повеяло атмосферой 1930–40-х гг. Комментируя этот документ на Пленуме ЦК КПСС, Хрущев говорил: «Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были — троцкисты, зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторые из них восстановлены в партии.

Восстановились и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Это неправильно. Надо дать отпор таким людям: надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую работу в ней, надо арестовывать. Другого выхода нет... Надо крепить органы разведки»²¹. К началу 1957 г. антисталинский курс во внутренней политике заметно ослабел. Не случайно к этому периоду относятся эти слова Хрущева: «Нашего Сталина мы никому не отдадим»²².

В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС. В историю этот съезд вошел принятием новой, третьей Программы партии, которая провозгласила план построения коммунистического общества в СССР за 20 лет. XXII съезд отметился возросшим славословием в адрес Первого секретаря ЦК КПСС: «близкий друг народов всей страны», «космический отец» и уже совсем близкое к новому «культу личности» — «надежда человечества — Москва, Ленин, Хрущев». Если на XXI съезде партии имя Хрущева упоминалось около 500 раз в выступлениях делегатов, то на XXII съезде — почти 800 раз²³.

На XXII съезде Хрущев обрушился на Сталина с новой яростной критикой. Вновь зазвучали имена казненных видных партийных, советских, военных деятелей. На этом съезде Хрущев перешел к разоблачению отправленных им в 1957 г. в политическое небытие В. Молотова и Л. Кагановича за организацию репрессий в 1930-х гг. При этом «забыл» упомянуть своего сторонника А. Микояна. Хрущев стремился к тому, чтобы все члены Президиума ЦК выработали единое мнение по вопросу к культу личности Сталина. Во время своего выступления на XXII съезде каждый из высшего советского руководства должен был обозначить свою позицию по этому принципиальному вопросу, на чем настаивал Хрущев²⁴. Как известно, все закончилось выносом тела Сталина из Мавзолея. Таким образом, в Казахстане, как и по всей стране, возникла вторая после 1956 г. волна критики сталинизма. Обсуждение итогов XXII съезда на местах дало возможность вновь вернуться к табуированной теме. Теперь слово попытались взять вернувшиеся из мест заключения бывшие высокопоставленные партийные работники Казахской ССР. Одним из таких был Чакпак Артыкбаев. Несколько подробнее скажем о его биографии, так как во многом будем опираться на оставленные им свидетельства об интересующих нас событиях, сохранившиеся в архивных документах.

Чакпак Артыкбаев родился в 1909 г. в Казалинском уезде Сырдарьинской губернии. В 1920-е гг. на комсомольской работе, секретарь Алма-Атинского и Талды-Курганского уездного комитета комсомола, секретарь Джетысуйского губкома комсомола, председатель Краевого бюро юных пионеров. В 1930-е гг. на партийной работе в Актюбинской и Алма-Атинской областях, ЦК Компартии Казахстана (зав. отделом Актюбинского обкома партии, зав. отделом советской торговли ЦК КП Казахстана, секретарь Алма-Атинского обкома партии). В 1937–1938 гг. — первый секретарь Алма-Атинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР.

Успел получить очень хорошее образование для того времени. В 1922–1924 гг. учился в Краевом Казахском институте просвещения, в Среднеазиатском Коммунистическом университете им. Ленина в Ташкенте; в 1929–1933 гг. — в Московском Торгово-товароведном плодоовощном институте Центрсоюза. Воспитанник детдома, имел с партийной точки зрения безупречное социальное происхождение, на

него ни разу не возлагались взыскания по комсомольской и партийной линии. Тем не менее в июне 1938 г. арестован органами НКВД в рамках процесса над «буржуазными националистами», захлестнувшего Казахскую ССР в конце 1937 — первой половине 1938 гг. Срок заключения отбывал в исправительно-трудовом лагере Канска Красноярского края. После освобождения в 1948 г. работал агрономом на Бостандыкском производственном участке по борьбе с сельхозвредителями и болезнями плодовоовощных культур в Южно-Казахстанской области²⁵.

В ноябре 1961 г. Ч. Артыкбаеву с большим трудом удалось получить приглашение билет от Алма-Атинского горкома партии на собрание Алма-Атинского областного партийного актива, на котором должен был выступить первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. Кунаев с докладом об итогах XXII съезда КПСС. Артыкбаев подал записку в президиум собрания с просьбой дать слово. Но после того как выступили 14 человек из 38 записавшихся, прения были прекращены. Не вызывает сомнений, что в президиуме собрания прекрасно понимали, о чем будет говорить подвергнувшийся репрессиям бывший высокопоставленный партийный работник. Соответственно постарались лишить его слова²⁶.

Однако Артыкбаев не оставил попыток выйти к широкой партийной аудитории, хотя бы на низшем уровне. Как отмечалось выше, все это происходило при отсутствии возможности выступить на эту принципиальную тему в каких-либо других коллективах, кроме партийных, в печати, по радио, не говоря уже о нарождавшемся телевидении. Единственная возможность — это партийные собрания разных уровней. 16 ноября 1961 г. Артыкбаев обратился с запиской к первому секретарю Фрунзенского райкома партии г. Алма-Аты Мухамеджанову с просьбой дать билет на районное партийное собрание и возможность там выступить. Но и здесь руководящие партработники не дали ему слова. Тогда Артыкбаев напрямую обратился в зале к присутствующему собранию и только после этого получил возможность для выступления. В докладной записке от 23 ноября 1961 г. в ЦК КП Казахстана по результатам партийных собраний по обсуждению итогов XXII съезда КПСС приводится содержание речи Ч. Артыкбаева на собрании партактива Фрунзенского района г. Алма-Аты²⁷.

Подобных документальных свидетельств на казахстанских материалах сохранилось очень мало, поэтому есть смысл подробнее пересказать содержание этого выступления, приведя прямые цитаты. Появление людей, исчезнувших на долгие годы, довело смысл закрытого доклада Хрущева на XX съезде до сознания многих рядовых коммунистов куда более действенным образом. Вдруг возвращаются бывшие партийные работники, готовые предъявить живые свидетельства произошедшей с ними трагедии. Вместе с тем подобные свидетельства дополняли картину массовых репрессий в Казахстане в 1937–1938 гг. некоторыми подробностями и прямо называли действующих лиц во многом обезличенного процесса «сталинского террора».

Главными организаторами судебной расправы Ч. Артыкбаев называет секретарей ЦК КП Казахстана Н. А. Скворцова и Ж. Шаяхметова. К весне 1938 г. органами НКВД Казахской ССР было инспирировано дело с заголовком обвинительного заключения «Об активных участниках контрреволюционной буржуазно-националистической организации». В эту «группу», по мнению следователей НКВД, входили:

зав. сельскохозяйственным отделом ЦК КП Казахстана М. Атаниязов; редактор газеты «Социалистік Қазақстан» Ж. Арстанов; первый секретарь Алма-Атинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР Ч. Артыкбаев; первый секретарь Кзыл-Ординского обкома Х. Амиров; первый секретарь Актюбинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР М. Жунусов; председатель Кустанайского облисполкома, депутат Верховного Совета СССР Х. Карасаев; ответсекретарь партколлегии при ЦК КПК И. Кошкунов; зам. редактора газеты «Социалистік Қазақстан» С. Лепесов; первый секретарь Западно-Казахстанского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР Ш. Утепов. По словам выступающего, все они не признавали обвинения, а 26 октября 1940 г. были осуждены на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Четверо погибли, пятеро вернулись, потеряв здоровье.

Ч. Артыкбаев очень негативно отзываясь о Скворцове. Называет его прямым ставленником Маленкова, его помощником по партийной статистике в ЦК ВКП(б). Вместе с тем тепло отзываясь о его предшественнике Мирзояне. Кроме того, в выступлении Артыкбаев подробно останавливается на фигуре Ж. Шаяхметова, в 1938–1939 гг. занимавшего пост секретаря, а затем второго секретаря ЦК Республики. «Шаяхметов в 1937–38 гг. зам. начальника облуправления НКВД в Северо-Казахстанской и Алма-Атинской областях... по его прямому указанию истязали в Алма-Атинской тюрьме Юсупова Н., арестованного 23 мая 1938 г. Ныне Юсупов работает в Алма-Ате директором мебельной фабрики»²⁸.

Далее Артыкбаев высказывает свою точку зрения на причину карьерного роста кадрового чекиста Шаяхметова в партийных органах: «Как Шаяхметов мог работать секретарем ЦК КПК в 1938–54 гг. Если до 1938 не был даже инструктором райкома партии? Он ставленник Реденса (в 1938 г. нарком внутренних дел Казахской ССР. — Е. М.) ...Почему же не нашли кого-нибудь из уцелевших от гибели партийных работников? Потому что Реденсу нужно было иметь в ЦК свой верный глаз, своего верного слугу. Вот и все»²⁹. Вместе с тем, говоря о себе и о выживших, но искалеченных в лагерях товарищах, Артыкбаев не забыл упомянуть в позитивном ключе о новой инициативе правящего главы партии и Советского правительства, выдвинутой в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС: «Но все мы думаем, что доживем до 1980 г.: строительство коммунизма в нашей стране должно укрепить и наш дух, и наше тело»³⁰.

Очевидно, что это выступление было воспринято враждебно сидящими в президиуме руководителями райкома и горкома. Ч. Артыкбаев в письме от 28 ноября 1961 г. к первому секретарю ЦК КПК Кунаеву отмечает, что его поразило и оскорбило «нечуткое, нетоварищеское отношение» первого и второго секретарей Фрунзенского райкома и первого секретаря Алма-Атинского горкома Дыхнова, который «сидел в президиуме и молчал»³¹.

За день до этого, 15 ноября, Артыкбаев получил возможность присутствовать на партийном собрании Советского района г. Алма-Аты. На этом собрании слово попросил Амиров, в 1930-е гг. занимавший посты первого секретаря Алма-Атинского, Карагандинского горкомов партии, первого секретаря Кзыл-Ординского обкома партии. Он также был репрессирован в 1938 г. вместе с Артыкбаевым по одному делу о «буржуазных националистах». Первый секретарь Советского райкома партии Ержанов попытался помешать выступлению, ограничив во времени и дав

только 5 минут вместо положенных 10 минут по регламенту. Однако ослепший в лагерях Амиров проявил упорство и настойчивость, и Ержанов был вынужден принести ему свои извинения. Содержание выступления Амирова не сохранилось, но, судя по всему, речь его была резкой³².

Можно только догадываться, какие чувства испытывали лица, которые осуществляли идеологическое обеспечение репрессий 1930-х гг. и санкционировали беззаконие, узнав о возвращении из лагерей и ссылок людей. Многие из них после 1956 г. занимали важные посты в ЦК Компартии Казахстана, Академии наук Казахской ССР, в сфере печати, образования и культуры. Конечно, со своей стороны они старались воспрепятствовать утверждению антисталинского курса во внутренней политике. Для этого они обладали реальными полномочиями и возможностями.

Особой критике со стороны вернувшихся из заключения подверглись секретарь ЦК КПК по идеологии Н. Джандильдин, вице-президент АН Казахской ССР С. Баишев, академик-секретарь Отделения общественных наук АН КазССР С. Н. Покровский: «Эти трое захватили всю идеологическую работу в республике, допуская при этом извращение отдельных фактов и событий, измышления о революционной роли казахского народа, о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на казахский аул, о работе и деятельности первых большевиков-казахов», — писал в ноябре 1961 г. бывший заключенный ГУЛАГа Рахмалы Байжарасов³³.

Далее приводятся примеры фактического сохранения прежнего курса в идеологической сфере сторонниками сталинского прошлого. Выпущенный после XX съезда в 1959 г. т. II истории Казахской ССР «является образцом такого не марксистско-ленинского освещения истории Казахстана за советский период. Вы хорошо знаете, что главным редактором, выпущенного под идейным руководством Н. Джандильдина, этого труда является С. Н. Покровский». Этот том в основном состоял из переписанных высказываний и догм Сталина без указания в книге его имени. Журнал «Вопросы истории КПСС» (1961. № 2. С. 152–153) подверг критике этот том, назвав его в числе книг, написанных методом компиляций из высказываний Сталина. Кроме того, Н. Джандильдин обвинялся в том, что в 1952 г., занимая должность зав. отделом науки и культуры ЦК КП Казахстана, активно участвовал в репрессиях против деятелей науки и культуры, в частности против Е. Бекмаханова, К. Джумалиева, Е. Смаилова³⁴.

С. Баишев, возлавив в 1938 г. газету «Социалистік Қазақстан» после ареста руководства ее редакции, следуя указаниям сверху по «разоблачению и выкорчевыванию», развернул в печати травлю партийных, советских, комсомольских и хозяйственных кадров. На страницах газеты развернулась кампания «по разоблачению» руководящих партийно-советских работников, в ходе которой пострадали: Л. Мирзоян, С. Нурпеисов (второй секретарь ЦК), У. Исаев (председатель СНК), А. Досов, А. Киселев, С. Сафарбеков, Д. Садвакасов, Б. Манкин (секретари обкомов), П. Варламов, С. Мендешев (старые большевики), Х. Дюйсенов, Т. Кожанов (наркомы), К. Таштитов (секретарь ЦК ЛКСМ), Я. Михайленко (начальник Турксиба), И. Кошкунев (зам. начальника уполномоченного партконтроля ЦК ВКП(б) по Казахстану) и многие другие³⁵. Уже в 1960 г. С. Баишев активно выступил против

реабилитации Турара Рыскулова, характеризуя его политический образ исключительно с отрицательной стороны.

В адрес академика С. Н. Покровского звучали обвинения в том, что, будучи в 1937–1939 гг. заместителем прокурора Казахской ССР, он «принимал участие в истреблении и уничтожении многочисленных честных партийно-советских работников, создавая на них сфабрикованные, провокационные, клеветнические материалы, санкционируя своей... (пропуск в этом месте. — Е. М.) ...преступные беззакония и произвол»³⁶. Эти обвинения имели под собой серьезные основания. Так, на упомянутом выше собрании партийного актива Советского района г. Алма-Аты 15 ноября 1961 г. с официальным сообщением выступил секретарь парткома КГБ Казахской ССР Каратабанов, который заявил, что «С. Н. Покровский должен держать ответ за многочисленные санкции, которые им были даны на арест невинных людей»³⁷. Присутствовавший при этом участник собрания сообщает: «До выступления тов. Каратабанова раздавались возмущенные голоса в адрес С. Н. Покровского. Возмущался и я»³⁸.

В существовавшей политической парадигме объективный научный анализ сталинского режима и его идеологии был невозможен. Этим можно объяснить половинчатость и незавершенность действий Хрущева в данном направлении. Писатель Камиль Икрамов вспоминал впоследствии, как он получил документ о посмертной реабилитации отца вместе с указанием никому об этом не рассказывать (Акмаль Икрамов — первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана в 1929–1937 гг.)³⁹.

Механизм противозаконных репрессий не был разоблачен до конца, реабилитация жертв произвола осталась неполной, что хорошо прослеживается на примере попыток в годы «оттепели» восстановить в исторической памяти имена репрессированных государственных, партийных деятелей, представителей творческой интеллигенции Казахстана. На этой почве между инициаторами реабилитаций жертв репрессий и их противниками возникало острое противостояние. Одной из фигур, вокруг которых разгорелась дискуссия, был видный деятель коммунистического движения Туркестана и Казахстана Турар Рыскулов⁴⁰. В декабре 1956 г. Рыскулов был реабилитирован по линии судебно-следственных органов, а в феврале 1957 г. он был реабилитирован в партийном порядке⁴¹. Но в Казахстане о факте реабилитации Рыскулова в свое время нигде не было сообщено. Более того, в журнале «Вопросы истории КПСС» (1958. № 2) была опубликована статья Л. П. Николаевой «Турккомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б)». В ней снова Т. Рыскулов обвинялся в пантюркизме и национализме⁴².

В 1960 г. общественность Республики готовилась широко отметить 40-летие образования Казахской ССР. В рамках этого события редакция главной казахской газеты республики «Социалистік Қазақстан» собиралась опубликовать серию статей о реабилитированных партийных и государственных деятелях Казахстана. В номере газеты от 19 октября 1960 г. опубликована статья Р. Байжарасова «Турар Рыскулов», где была дана высокая историческая оценка деятельности Рыскулова, которого автор знал лично по годам работы на Турксибе. Статья вызвала широкий отклик среди казахской общественности. Классик казахской литературы Мухтар Ауэзов дал ей положительный отзыв⁴³. Видимо, эта была первая и последняя статья данной серии, так как реакция противников последовала незамедлительно. По

мнению Р. Байжарасова, главными инициаторами ответа, дающего «правильную оценку деятельности национал-уклониста Т. Рыскулова», были Н. Джандильдин, С. Баишев, С. Покровский. Из его письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС: «Эти люди в 1960 г. начали новую клеветническую кампанию против ранее репрессированных. Из мертвых объектом стал Рыскулов, из живых — я. За мою статью о Рыскулове»⁴⁴.

ЦК Компартии Казахстана принял Постановление от 12 ноября 1960 г. «О статье «Турар Рыскулов», опубликованной в газете «Социалистік Қазақстан». Постановление квалифицировало статью как «грубую политическую ошибку». Вся деятельность Т. Рыскулова получила исключительно негативную оценку⁴⁵. Секретарь ЦК КП Казахстана Исмаил Юсупов докладывал в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС о том, что «в порядке исправления допущенной ошибки» в номере газеты «Социалистік Қазақстан» от 29 декабря 1960 г. опубликована редакционная статья, «дающая правильную оценку деятельности «национал-уклониста» Турара Рыскулова». Были сделаны соответствующие организационные выводы. Главный редактор газеты «Социалистік Қазақстан» Касым Шарипов освобожден от должности⁴⁶.

В качестве авторов статьи «Тарихи шындыкты бурмалауғы болмайды» («Нельзя исказить историческую правду») в номере газеты «Социалистік Қазақстан» от 29 декабря 1960 г. указаны зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана Беленов, зав. отделом науки, школ и вузов М. Бейсембаев, секретарь Целинного крайкома партии С. Имашев и вице-президент АН Казахской ССР С. Баишев. Они же готовили этот вопрос для рассмотрения на бюро ЦК КП Казахстана⁴⁷. Сам же Байжарасов единоличное авторство и главную инициативу приписывает С. Баишеву⁴⁸.

Статья имела явно тенденциозный характер, Рыскулов был показан исключительно с отрицательной стороны. «Рыскулов долгое время выступал против политики Коммунистической партии в национальных республиках... Своими чуждыми марксизму-ленинизму взглядами и раскольнической деятельностью Рыскулов нанес большой вред работе партийных организаций Туркестана и Казахстана». За этим последовали организационные мероприятия. В учебных заведениях, идеологических учреждениях были проведены собрания с обсуждением постановления ЦК КП Казахстана. Из библиотек были изъяты труды Т. Рыскулова⁴⁹.

В качестве ответных шагов в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС было отправлено письмо Р. Байжарасова, упоминавшееся выше. Также 11 марта 1961 г. на имя Хрущева было получено заявление от вдовы Т. Рыскулова Азизы Рыскуловой. Показательно, что подобных писем-жалоб из Казахстана в Москву на имя Хрущева, Микояна, Шверника, Ворошилова в рассматриваемый нами период было более чем предостаточно. Обычно из Москвы после соответствующей резолюции их отписывали в ЦК КП Казахстана для рассмотрения. На этом дело, как правило, и заканчивалось. Но не в этот раз.

Вопрос об исторической оценке и памяти реабилитированных государственных и партийных деятелей остро занимал Хрущева. Он не мог не понимать и не видеть всей двойственности и противоречивости сложившейся ситуации. С одной стороны, по линии судебно-следственных органов и в партийном отношении была проведена посмертная реабилитация жертв политических репрессий. С другой

стороны, о них по-прежнему не говорили — нигде нельзя было встретить их портретов и фотографий, не было упоминаний о них, их политическое и творческое наследие оставалось под запретом. Критика преступлений сталинизма Хрущевым на всем протяжении его руководства партией и страной в 1950-е — первой половине 1960-х гг. носила «дозированный» характер — в зависимости от складывающегося международного положения и ситуации во внутренней политике. Во многом это было связано с его перманентной борьбой за лидерство в партии и правительстве. Видимо, учитывая каждую возникавшую конкретную ситуацию по данному принципиальному вопросу, Хрущев исходил из текущего положения дел, и ситуация с этим вопросом в союзных республиках была под его особым контролем.

В апреле 1961 г. в Алма-Ату была направлена комиссия в составе зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В. И. Снастина, инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А. Н. Яковлева, инструктора комитета партийного контроля при ЦК КПСС В. И. Ляхова. В мае 1961 г. была подготовлена «Справка комиссии ЦК КПСС по письмам из Казахстана». Комиссия пришла к выводу, что постановление ЦК КП Казахстана и последовавшая за этим статья от 29 декабря 1960 г. носят тенденциозный характер и искажают историческую правду. Это были вынуждены признать секретарь ЦК КП Казахстана Н. Джандильдин и авторы статьи. Вместе с тем статья Байжарасова «Турар Рыскулов» также была признана ошибочной. Публикация обеих статей редакцией газеты «Социалистик Қазақстан» была объявлено ответственными работниками ЦК КПСС «серьезной ошибкой», так как «внимание читателей искусственно фиксировалось на вопросе, обсуждение которого не вызывалось никакой необходимостью»⁵⁰. Итог этой истории стал классической иллюстрацией всей противоречивости политики хрущевской «оттепели».

Говоря о попытках жертв сталинского произвола восстановить свои конституционные права, нельзя обойти стороной и роль органов госбезопасности, чьими руками осуществлялось беззаконие 1930–1950-х гг. Восстановление и укрепление законности и правопорядка, возвращение органов госбезопасности в правовое поле стали одними из главных задач хрущевского руководства. Этот процесс был запущен еще до XX съезда партии.

В связи с этим обращает на себя внимание еще один дискуссионный вопрос. Очевидно, что органы госбезопасности в период репрессий не были подотчетны представительным органам власти и не контролировались обществом. Считалось, что «карательный меч партии» выполняет лишь волю партийного руководства. Соответственно всю ответственность за организацию террора несло высшее партийное руководство и его представители на местах. Однако существует точка зрения, согласно которой в какой-то момент органы НКВД вышли из-под партийного контроля. Это утверждение имеет под собой основание. В разгар чисток 1937–1938 гг., идя на поводу у НКВД, партийные комитеты исключали из ВКП(б) уже арестованных людей, тогда как прежде члены партии, тем более из руководящего состава, не могли быть арестованными без ведома и согласия партийных комитетов. Только уже исключенного из партии человека органы НКВД могли привлечь к уголовной ответственности. Эту ситуацию раскрывает документ, хранящийся

в Архиве Президента РК, — «Справка о некоторых нарушениях социалистической законности и массовых репрессиях в Казахстане в 1937–1938 гг.»⁵¹.

Автор справки — работник ЦК КП Казахстана в 1930–1940-х гг. Ф. Г. Савинский. Этот документ, подготовленный в конце 1960-х гг., стал фактически первым исследованием по истории массовых политических репрессий в Казахстане. В справке прямо говорится о роли НКВД в репрессиях 1937–1938 гг. в Казахской ССР. Приведем обширный отрывок:

«Органам государственной безопасности оказывалось огромное доверие, так как они имели перед народом и страной несомненные заслуги в деле защиты завоеваний революции. В течение длительного времени органы государственной безопасности оправдывали это доверие, и их особое положение не вызывало какой-либо опасности. Дело изменилось после того, когда контроль над ними со стороны партии и правительства был постепенно подменен личным контролем Сталина, а обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями.

Ежов, назначенный наркомом внутренних дел лично Сталиным, сохранил пост и секретаря ЦК КПСС (так в документе. — Е. М.). Создалось немыслимое положение: нарком внутренних дел стал выше местных партийных органов, его директивы стали для них обязательными, так как он одновременно был секретарем ЦК КПСС.

Это быстро сказалось на взаимоотношениях местных партийных органов с местными органами НКВД. Местные органы НКВД перестали считаться с партийными органами и стали вести себя совершенно независимо от кого бы то ни было, кроме вышестоящих органов своего ведомства. Так было и в Казахстане»⁵².

Действительно, не могли же руководящие партийные органы Казахстана своими же руками уничтожить своих работников в массовом порядке. Выше уже приводился пример, что только в Алма-Атинском обкоме партии в 1937–1938 гг. подряд были уничтожены три руководящих состава. Между I и II съездом Компартии Казахстана с июня 1937 г. по июль 1938 г. все руководящие партийные и советские работники Казахской ССР были арестованы. В справке Савинского показано, что ЦК КП Казахстана во главе с Л. Мирзояном чаще всего ставился перед фактом ареста партийных и советских руководителей областей и районов. ЦК Компартии Республики пытался разбираться в каждом конкретном случае и, как правило, безуспешно.

Впоследствии, с приходом Андропова к руководству КГБ СССР, было приложено немало усилий по созданию в обществе благородного и привлекательного образа сотрудников госбезопасности. В качестве оправдания всячески подчеркивался тот факт, что и чекисты стали жертвами «большого террора». Конечно, и такие факты были. Но это не носило массового характера в отличие от того процесса, который они устроили. Председатель КГБ СССР в 1982–1988 гг. В. М. Чебриков заявил, что около 20 тыс. чекистов пали жертвами сталинских репрессий. Один из крупных современных исследователей истории органов госбезопасности СССР Н. Петров так комментирует это утверждение: «Во всем аппарате государственной безопасности в 1937 г. работало 25 тыс. чел. ... и применительно к ним говорить о 20 тыс. репрессированных бессмыслица, если только они не репрессировали все сами себя и потом написали об этом отчеты»⁵³.

Арест в июле 1953 г. Берии и зачистка всей системы МВД от его людей дали возможность постсталинскому руководству взяться за реформирование всей советской правоохранительной системы. Вместе с тем меры, которые предпринимались по изменению силовых органов, показывают истинные намерения и возможности руководства СССР по реформированию всех сторон общественно-политической и экономической жизни страны в 1953–1964 гг. Собственно переустройство органов госбезопасности стало первым серьезным шагом реформ хрущевского «великого десятилетия». Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР был создан Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. на базе оперативно-чекистских подразделений МВД. На пост его первого председателя Хрущев с должности первого заместителя министра внутренних дел СССР назначил своего сторонника И. Серова. Соответствующие структуры были созданы в союзных республиках. Постановлением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 8 июня 1954 г. создан КГБ при Совмине Казахской ССР. Председателем назначен В. Губин, занимавший пост министра внутренних дел КазССР⁵⁴.

При выборе названия для новой структуры учитывались не только функции, но и рамки ее полномочий. С самого начала партийные вожди указали новой спецслужбе на ее место в системе власти. Опыт подсказывал сталинским наследникам, что от этого будет зависеть не только их положение во власти, но и сама жизнь. Само название «Комитет» указывало на его прямое подчинение ЦК КПСС. Не случайно на заседании Президиума ЦК КПСС, где обсуждался вопрос о создании КГБ, прошло предложение Л. Кагановича: «Комитет — это отдел партийный»⁵⁵.

Хрущев, взяв всю власть в партии и правительстве в свои руки, не замедлил взять и КГБ под свой единоличный контроль. Избавившись после 1957 г. от своих соперников, он отстранил от руководства КГБ кадрового чекиста Серова, назначив на этот пост комсомольских работников Шелепина, а затем Семичастного. Таким образом, подчеркивался символический разрыв с карательными органами сталинского прошлого. На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. Александр Шелепин, подводя итоги последних реформ КГБ, докладывал: «Органы госбезопасности были реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от аномальных функций, очищены от карьеристских элементов... вся деятельность органов КГБ теперь проходит под постоянным контролем партии и правительства и строится на полном доверии к советскому человеку, на уважении его права и достоинства»⁵⁶.

После XX съезда вскрылись новые преступления НКВД — МГБ — МВД. В 1956 г. в Казахстане на волне эффекта от хрущевских разоблачений начались первые попытки привлечь к ответственности сотрудников органов госбезопасности, виновных в незаконных репрессиях. ЦК КП Казахстана пытался разобраться с поступавшими заявлениями и жалобами по этому вопросу. Но, очевидно, делалось это слабо и непоследовательно. Так, 3 сентября и 3 октября 1956 г. помощник военного прокурора Туркестанского военного округа докладывал в ЦК КП Казахстана о «фактах нарушения социалистической законности, допущенных зам. министра внутренних дел КазССР Николаевым П. В. в период его работы в органах НКВД в 1937 г.»⁵⁷. В частности, Николаеву вменялось в вину участие в делах бывшего зам. прокурора КазССР Распопова и бывшего прокурора Турксиба Ашимкина, осужденных к высшей мере наказания и впоследствии реабилитированных. В ЦК приняли решение

не привлекать Николаева к партийной или иной ответственности, так как «он не принимал участия в арестах, выводов по результатам расследования не делал и таким образом не влиял на исход дела арестованных»⁵⁸. Неубедительно звучит и следующая формулировка из этого же решения ЦК: «Он допрашивал каждого из них по одному разу, но при этом не установлено нарушения социалистической законности со стороны Николаева во время допроса»⁵⁹.

Тем не менее некоторые лица все же понесли наказание. 11 июня 1956 г. по решению бюро ЦК КП Казахстана от 10 мая 1956 г. был уволен «по фактам дискредитации» начальник УМВД по Южно-Казахстанской области С. С. Ситдыков. В 1930-е гг. он служил в ГПУ — УНКВД по Алма-Атинской области, занимал руководящие посты в УНКВД по Кызыл-Ординской и Актюбинской областях, в 1940-е гг. — начальник УМВД по Карагандинской области. С. С. Ситдыков в заявлении просил оставить его на работе в органах МВД. В качестве оправдания он отмечает, что никто из его бывших непосредственных начальников того времени не привлечен к ответственности и, более того, они продолжают занимать руководящие посты в системе МВД в других регионах СССР⁶⁰.

Конечно, меры по поиску и наказанию лиц, персонально несших ответственность за репрессии, не были инициативой только партийных властей Казахстана, а осуществлялись в русле общесоюзной тенденции. В 1956 г. по поручению Бюро ЦК КП Казахстана МВД Казахской ССР устанавливал местонахождение бывших сотрудников НКВД для привлечения их ответственности. Так, было установлено, что бывший начальник УНКВД Алма-Атинской области Шабанов погиб при исполнении служебных обязанностей, находясь на посту начальника отделения УНКВД Калининской области РСФСР. Бывший следователь УНКВД Алма-Атинской области Сарсембаев в 1956 г. работал в Министерстве сельского хозяйства Казахской ССР. Вопрос о его партийной ответственности за нарушения законности в период репрессий был передан на рассмотрение в Сталинский райком партии г. Алма-Аты. Проверялись сведения по начальнику УМВД Закарпатской области Бойко, служившему в 1930-е гг. в органах НКВД Казахской ССР⁶¹.

Устанавливалось место службы И. Ф. Шаханского, входившего в руководящий состав УГБ — УНКВД Алма-Атинской области: в 1940-е гг. он был начальником УНКВД — УМВД Кызыл-Ординской и Актюбинской областей. В 1953 г. освобожден от последней занимаемой должности начальника УМВД Орловской области. В 1958 г. уволен из органов по служебному несоответствию. Кроме того, в 1956 г. МВД Казахской ССР искали также местонахождение бывшего начальника секретно-политического отдела управления госбезопасности УНКВД Алма-Атинской области Жвигуля. Обо всех этих фактах докладывал 20 октября 1956 г. зам. зав. отделом административных органов ЦК КП Казахстана Самарин⁶². Именно отдел административных органов ЦК КПСС курировал КГБ, такие же отделы занимались этим в ЦК союзных республик.

Как уже отмечалось, даже эти слабые попытки привлечь к персональной ответственности лиц, виновных в беспрецедентных нарушениях конституционных прав советских граждан, были фактически свернуты к началу 1957 г. Однако внутрислужебные чистки в органах МВД и КГБ продолжались в 1957–1958 гг. Особенно они усилились с приходом к руководству КГБ СССР А. Шелепина.

В октябре 1951 г. Сталин на вопрос министра госбезопасности СССР Игнатьева, как ему поступить с увольняемыми сотрудниками центрального аппарата ответил: «У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму». Подробное изучение справочника с биографическими данными представителей руководящего состава органов безопасности в период 1934–1954 гг. показывает, что очень многие из них завершают служебную карьеру в 1955–1958 гг.⁶³ Основные формулировки: «уволен по факту дискредитации», «исключен из партии», «переведен в кадровый резерв МВД», «уволен по служебному несоответствию», «в распоряжение управления кадров КГБ при СМ СССР», «уволен по возрасту» и гораздо реже «привлечен к уголовной ответственности». Как видно из биографических данных, многие на момент увольнения из органов еще были далеки от пенсионного возраста. Практически ни у кого нет карьерного роста и продвижения по службе после 1956 г. Некоторые на длительный период оказываются безработными, например, начальник 2-го отдела УКГБ Семипалатинской области С. Косубаев, уволенный в 1955 г. и до 1963 г. находившийся без работы. В 1957 г. был исключен из партии Б. Н. Чирков, проживавший в Днепропетровской области (Украинская ССР), в 1959 г. лишен всех званий и наград. Чирков в 1937–1938 гг. занимал пост начальника УНКВД Восточно-Казахстанской области, в 1939 г. — заместитель наркома внутренних дел Казахской ССР, в 1940–1942 гг. — начальник Управления Джезказганского ИТЛ и комбината НКВД. В 1949 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Под чистки попали лица из высшего состава госбезопасности, в карьере которых служба в Казахстане была важным этапом. Так, в апреле 1953 г. по обвинению в организации убийства председателя Еврейского антифашистского комитета СССР народного артиста СССР Соломона Михоэлса был арестован 1-й зам. министра госбезопасности СССР С. И. Огольцов, затем освобожден и уволен в запас⁶⁴. В 1944–1945 гг. Огольцов в должности наркома госбезопасности Казахской ССР принимал участие в депортации и расселении репрессированных народов. В 1958 г. он был исключен из партии и лишен воинского звания генерал-лейтенанта.

В связи с заявленной целью восстановления партийного контроля над органами госбезопасности 29 января 1963 г. Председатель КГБ СССР Семичастный доложил руководству партии, что более 46 тыс. сотрудников КГБ были уволены с 1954 г., и почти половина этих увольнений пришлась на период руководства Шелепина и Семичастного⁶⁵. Н. Петров справедливо заметил: «И вообще, в нашем справочнике хороших людей нет, нет тех, на кого следовало бы равняться, — ни в той, советской системе координат, ни тем более в нынешней»⁶⁶.

В завершение отметим, что остались неразрешенными проблема поиска истины о совершенных коммунистической диктатурой преступлениях и проблема правосудия и воздаяния. Постсоветское общество по-прежнему испытывает на себе негативный исторический опыт сталинизма. При этом немалая часть общества оправдывает этот исторический опыт, видя в нем единственный выход из противоречий современной жизни. Тяжелый травматический опыт, пережитый той или иной страной, оставляет глубокий след на социальном теле общества. Эта рана не была в свое время залечена и, вновь открывшись, приносит страдания.

- ¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке *Foundation Open Society Institute (FOSI)*, грант № 30016143.
- ² *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 217.
- ³ Там же.
- ⁴ *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. М., 2015. 489 с.
- ⁵ *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. И. Малое собр. соч. Т. 7. С. 196 (Ч. 5. Гл. 12); *Кокурин А. И.* Восстание в Степлаг. Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 33–82; *Кравери М.* Кризис ГУЛага: Кенгирское восстание в документах МВД // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* Année 1995. Vol. 36, no. 3. P. 319–343.
- ⁶ *Медведев Р. А.* Хрущев Н. С.: политическая биография. М., 1990. С. 84.
- ⁷ *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. С. 382.
- ⁸ Первые руководители Северо-Казахстанской области за 80 лет. URL: <http://www.pkzsk.info/pervye-rukovoditeli-severo-kazakhstanskoj-oblasti-za-80-let> (дата обращения: 01.10.2017)
- ⁹ Архив Президента Республики Казахстан (далее — РК). Ф. 708. Оп. 34. Д. 232. Л. 200–204.
- ¹⁰ *Медведев Р. А.* Хрущев Н. С.: Политическая биография. С. 98.
- ¹¹ *Wojnowski Z.* De-Stalinization and the Failure of Soviet Identity Building in Kazakhstan // *Journal of Contemporary History*. 2016. P. 999–1021.
- ¹² *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. С. 384.
- ¹³ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 71.
- ¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 369. Л. 85–98.
- ¹⁵ Там же. Оп. 34. Д. 280. Л. 94–105.
- ¹⁶ Н. А. Скворцов считался ближайшим помощником Г. М. Маленкова в отделе руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). С должности зам. зав. отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) в мае 1938 г. направлен вторым секретарем ЦК КП Казахстана и в конце этого же месяца избран первым секретарем ЦК КП Казахстана.
- ¹⁷ Шаяхметов Ж. (1902–1966) — советский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КП Казахстана (1946–1954 гг.).
- ¹⁸ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 94–105.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Хрущев Н. С.* Время, люди, власть (воспоминания). Т. 4. М., 1999. С. 283.
- ²¹ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 244.
- ²² Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии. М., 1989. С. 177.
- ²³ *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». С. 55.
- ²⁴ Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии. С. 15.
- ²⁵ Артыкбаев Чакпак. Биография. URL: <http://www.iref.kz/artykbaev-chakpak-biografiya/> (дата обращения: 01.10.2017).
- ²⁶ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 107–110.
- ²⁷ Там же. Л. 111–118.
- ²⁸ Там же. Л. 114.
- ²⁹ Там же. Л. 115.
- ³⁰ Там же. Л. 114.
- ³¹ Там же. Л. 107–110.
- ³² Там же. Л. 109.
- ³³ Там же. Л. 94–105.
- ³⁴ Там же. Л. 102.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 101.
- ³⁷ Там же. Л. 110.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Икрамов К. А.* Дело моего отца: роман-хроника. М., 1991.
- ⁴⁰ Рыскулов Турар (1894–1938) — советский государственный деятель, председатель Мусульманского бюро Туркестанской Коммунистической партии, ЦИКа и СНК Туркестанской АССР, зам. председателя СНК РСФСР.

- ⁴¹ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 101–102.
- ⁴² *Исмаилов А.* Исторические штрихи к портрету Турара Рыскулова // Мысль: республиканско-общественный журнал. 2014. Декабрь. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=4809> (дата обращения: 01.10.2017).
- ⁴³ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 3. Д. 369. Л. 85–98.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 34. Д. 280. Л. 94–105.
- ⁴⁵ *Исмаилов А.* Исторические штрихи к портрету Турара Рыскулова.
- ⁴⁶ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 101–102.
- ⁴⁷ *Исмаилов А.* Исторические штрихи к портрету Турара Рыскулова.
- ⁴⁸ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 34. Д. 280. Л. 102.
- ⁴⁹ *Исмаилов А.* Исторические штрихи к портрету Турара Рыскулова.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Мирзоян и политические репрессии в Казахстане. Публикация документа (документ со вступительной статьей подготовлен к публикации работниками Архива Президента РК И. Бухоновой и Е. Грибановой). URL: <http://e-history.kz/ru/books/library/view/1057> (дата обращения: 01.10.2017).
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Радио Свобода: Программы: История и современность: Разница во времени. 2000. 16 февр. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/TD/2000/TD.021600.asp> (дата обращения: 01.10.2017).
- ⁵⁴ *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: справочник. М., 2010.
- ⁵⁵ *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е — середине 1960-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 183.
- ⁵⁶ Приводится по: *Elkner J.* The changing face of repression under Khrushchev // *Soviet State and Society under Nikita Khrushchev* / ed. by M. Ilic, J. Smith. New York, 2009. P. 148.
- ⁵⁷ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 1550. Л. 151.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Л. 153.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М., 1999.
- ⁶⁴ *Этингер Я.Я.* Это невозможно забыть: Воспоминания. М., 2001. С. 166–167.
- ⁶⁵ *Elkner J.* The changing face of repression under Khrushchev. P. 146.
- ⁶⁶ Никита Петров: В нашем справочнике хороших людей нет. 2010. 30 нояб. URL: <http://urokiistorii.ru/node/1276> (дата обращения: 01.10.2017).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Медеубаев Е.И. Попытки начала процесса политической реабилитации и восстановления прав репрессированных граждан в Казахстане в эпоху хрущевской «оттепели» // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 87–106.
УДК 94(574)+ (321/394)

Аннотация: В статье рассматриваются начавшиеся после доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС попытки реабилитационных процессов и восстановления попранных конституционных прав граждан в Казахской ССР. После смерти Сталина высшее руководство СССР понимало, что атмосфера «большого террора» привела к высокому уровню скрытого социального напряжения всего советского общества и что дальнейшее раскручивание репрессий может привести к непредсказуемым последствиям. Основываясь на архивных материалах, автор статьи приводит примеры того, как вернувшиеся из ссылки и лагерей бывшие партийные, советские и комсомольские работники Казахстана

становились живыми свидетелями произошедшей с ними трагедии. Они дополняли картину массовых репрессий в Казахстане в 1937–1938 гг. некоторыми подробностями и прямо называли действующих лиц во многом обезличенного процесса «сталинского террора». В статье говорится о роли тех лиц, которые осуществляли идеологическое обеспечение репрессий 1930-х гг. в Казахстане и санкционировали беззаконие. Многие из них и после 1956 г. занимали важные посты в ЦК Компартии Казахстана, Академии наук Казахской ССР, в сфере печати, образования и культуры. Узнав о возвращении людей из лагерей и ссылок, они старались всячески воспрепятствовать утверждению антисталинского курса в общественно-политической жизни Республики. Говоря о попытках жертв сталинского произвола восстановить свои конституционные права, автор статьи не обходит стороной и роль органов госбезопасности Казахской ССР, осуществлявших беззаконие 1930–1950-х гг. Восстановление и укрепление законности и правопорядка, возвращение органов госбезопасности в правовое поле стали главными задачами руководства СССР в эпоху хрущевской «оттепели».

Ключевые слова: политические репрессии, сталинизм, Хрущев, оттепель, амнистия, реабилитация, XX съезд, КПСС, 1956.

Сведения об авторе: Медеубаев Е. И. — кандидат исторических наук, профессор, Казахско-Русский международный университет (Актобе, Республика Казахстан); emedeubaev@mail.ru

FOR CITATION

Medeubayev Y. I. Attempts to Start the Process of Political Rehabilitation and Restoration of Repressed Citizens' Rights in Kazakhstan during the Era of the Khrushchev "Thaw", *Modern History of Russia*, no. 4, 2017, pp. 87–106.

Abstract: The article deals with the attempts of the beginning of the rehabilitation and restoration processes of the violated constitutional rights of citizens in the Kazakh SSR, which began with N. Khrushchev's report at the XX Congress of the CPSU. After Stalin's death, the USSR leadership understood that the atmosphere of the "great terror" resulted in a high level of the hidden social tensions over the whole of Soviet society, and its exacerbation may lead to unpredictable consequences. Based on archival materials, the article provides examples of the former party, Soviet and Komsomol workers of Kazakhstan who returned from camps and exile and presented the live evidence of the tragedy that befell them. This evidence filled out the picture of mass repression in Kazakhstan in 1937–1938 with some details and directly called out the actors of the "Stalinist terror" process, which has been mainly impersonal. The article talks about the role of those persons who supplied the ideological support of the repression of the 1930s in Kazakhstan and sanctioned lawlessness. Many of them held important positions in the Communist party government of Kazakhstan, Academy of Sciences of the Kazakh SSR and other fields of the press, education and culture after 1956. Knowing about the people returning from the camps and exile, they attempted to set obstacles in the way of the anti-Stalinist course in social and political life of the Republic. Speaking about the attempts of the victims of Stalinist tyranny to restore their constitutional rights, the article does not avoid the role of the Kazakh SSR KGB, in whose hands the iniquity 1930s-1950s lay. The restoration and strengthening of the rule of law, the return of state security authorities to the legal field has become one of the main objectives of Soviet leadership in the era of Khrushchev's "thaw".

Keywords: Political Repressions, Stalinism, Khrushchev, Thaw, Amnesty, Rehabilitation, XX Congress, CPSU, 1956.

Author: Medeubayev Y. I. — Candidate of History, Professor, Kazakh-Russian International University (Aktobe, Kazakhstan); emedeubaev@mail.ru

Rereferences:

Aksyutin Yu. V. *Khrushchevskaya "ottepel" i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* (Moscow, 2010).

Applebaum A. *GULAG* (Moscow, 2015).

Craveri M. 'Krizis GULaga: Kengirskoe vosstanie v dokumentah MVD', *Cahiers du monde russe*, Vol. 36, no. 3, 1995.

- Elkner J. 'The changing face of repression under Khrushchev', *Soviet State and Society under Nikita Khrushchev*, Ed. by M. Ilic and J. Smith (New York, 2009).
- Ikramov K. A. *Delo moego otza: roman-khronika* (Moscow, 1991).
- Ismailov A. 'Istoricheskie shtrikhi k portretu Turara Ryskulova', *Mysl*, December, 2014.
- Kokurin A. I. 'Vosstanie v Steplage', *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, 1994.
- Medvedev R. A. *Khrushchev N. S.: Politicheskaya biografiya* (Moscow, 1990).
- Nikita Sergeevich Hrushchev: materialy k biografii* (Moscow, 1989).
- Petrov N. V. *Kto rukovodil organami gosbezopasnosti, 1941–1954: spravochnik* (Moscow, 2010).
- Petrov N. V., Skorkin K. V. *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik* (Moscow, 1999).
- Pyzhikov A. V. *Khrushchevskaya "ottepel"* (Moscow, 2002).
- Shestakov V. A. *Sotsialno-ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1950-e — seredine 1960-kh godov*. [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 2006).
- Wojnowski Z. 'De-Stalinization and the Failure of Soviet Identity Building in Kazakhstan', *Journal of Contemporary History*, 2016.